

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
Theoretical and Applied Law

Законы должны идти рука об руку
с прогрессом человеческой души.

Томас Джефферсон

Бабурин С. Н.

Гармония духовных смыслов правовых традиций как основа многополярного мира

Иванюженко А. Б.

Правовые аспекты возможного применения цифрового рубля

Честнов И. Л.

Переосмысление юридической практики с позиций постклассической методологии права

Шварц Л. В., Бурова С. М.

Актуальные проблемы международно-правовой охраны авторских прав

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

РАЗУБАЕВ Николай Викторович, доктор юридических наук, член Российской академии юридических наук, почетный работник сферы высшего образования, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГРИЦЕНКО Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ЕСКИНА Людмила Борисовна, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич, судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ЛУКОВСКАЯ Дженевра Игоревна, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

МОГИЛЕВСКИЙ Станислав Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, директор Института права и национальной безопасности, заслуженный юрист Российской Федерации, Москва

МОЛОТНИКОВ Александр Евгеньевич, кандидат юридических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ПОЛЯКОВ Андрей Васильевич, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ПОПОНДОПУЛО Владимир Федорович, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

ХОХЛОВ Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Феликс Вакас ФЕРНАНДЕС, доктор философии в области права (специализация в области прав человека), доцент публичного международного права и международных отношений, Университет им. Карлоса III, г. Мадрид, Испания

Кармен Перес ГОНСАЛЕС, доктор философии в области права, профессор публичного международного права и международных отношений, заместитель декана по международному сотрудничеству и академическим обменам, Университет им. Карлоса III, г. Мадрид

Киммо НУОТИО, профессор уголовного права, Университет г. Хельсинки, Финляндия

Бьярн МЕЛКЕВИК, профессор Университета Лавалья, г. Квебек, Канада

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024

© Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024

© Все права защищены.

Содержание

- 4 **ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**
ПРАВОПОНИМАНИЕ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ТИПОВ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

СТАТЬИ

- 7 **БАБУРИН С. Н.**
ГАРМОНИЯ ДУХОВНЫХ СМЫСЛОВ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ
КАК ОСНОВА МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА
- 13 **ЧЕСТНОВ И. Л.**
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
С ПОЗИЦИЙ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПРАВА
- 17 **МАЙБОРОДА В. А., МАЙБОРОДА Э. Т.**
СУДОПРОИЗВОДСТВО О ЦИФРОВЫХ ПРАВАХ
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
- 23 **ИВАНЮЖЕНКО А. Б.**
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗМОЖНОГО ПРИМЕНЕНИЯ
ЦИФРОВОГО РУБЛЯ
- 37 **ЛЕСКИНА Э. И.**
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАСЛЕДОВАНИЯ
НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫХ ТОКЕНОВ
- 44 **МАЗАЕВ О. А.**
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ
- 51 **РЖАНОВСКИЙ В. А.**
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ И НАБЛЮДАТЕЛЕЙ
В СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИИ
- 60 **ШВАРЦ Л. В., БУРОВА С. М.**
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ
- 68 **РАШИДОВА А. И., РАШИДОВА Л. А.**
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА
В СФЕРЕ ТРУДА И ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ
НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ
- 74 **ВАШУРИНА С. С.**
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ
НА КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН
- 84 **СТУКАЛОВА Д. Д., ГАЙВОРОНСКАЯ В. А.**
ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК НОВАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА
И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

ОБЗОРЫ

- 90 **РАЗУВАЕВ Н. В., ТАРКИНСКАЯ А. В.**
ПРАВООРЯДОК НА СТЫКЕ ЭПОХ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА:
ОБЗОР ВЫСТУПЛЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПЯТЫЕ БАСКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2–3 НОЯБРЯ 2023 Г.)

Правопонимание в условиях смены типов научной рациональности

**Николай Викторович
Разуваев**

главный редактор
журнала «Теоретическая
и прикладная юриспруденция», заведующий
кафедрой гражданского
и трудового права СЗИУ
РАНХиГС, доктор юриди-
ческих наук

Знаменательность текущего состояния правовой реальности во многом определяется его переходным характером, оказывающим значительное воздействие на все сферы юридической коммуникации — будь то доктринальная коммуникация или прикладная, практическая деятельность. И подобно любым иным изменениям, особенно имеющим столь глобальный характер, как те, что наблюдаются в настоящее время, трансформация правопорядка является серьезным вызовом научному мышлению, требующим проблематизации используемых категорий и переоценки большинства сложившихся представлений.

Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, обусловлены непрекращающиеся дискуссии о модерне, постмодерне, постпостмодерне и иных состояниях права, на первый взгляд, призванные способствовать преодолению неопределенности юридической доктрины, но на деле приводящие лишь к углублению идейного и методологического кризиса, в котором находится теоретико-правовой дискурс. В этом нет ничего, что было бы способно вызвать недоумение. Ведь, оставаясь по-прежнему «спором о названиях», дискуссия о том состоянии правовой реальности, которое гипотетически должно прийти на смену затянувшемуся постмодерну и тем самым привнести в правопорядок долгожданную определенность, будучи зачастую лишенной содержательного измерения и глубины, не приводит к открытию новых перспектив, но, порождая дополнительные понятия, плодит лишь такие сущности, о которых давно было сказано, что их не следует множить без необходимости: «Non sunt etia multiplicanda sine necessitate»¹.

Сказанное, впрочем, не означает отсутствия смысла в попытках прогнозировать будущее, в том числе путем теоретической осмысления во многом неясных и противоречащих друг другу тенденций, которые характеризуют взаимодействие участников правовой коммуникации, конструирующих правопорядок при помощи становящихся все более многообразными знаковых средств, включая и такие принципиально новые для юридической практики средства, как цифра. Именно последняя привлекает все более пристальное внимание и вызывает особенный интерес, причем не только со стороны социальных теоретиков, вот уже более полувека обсуждающих проблемы трансформации постиндустриального общества в общество технологическое, а последнего, в свою очередь, в общество знаний², но и со стороны культурологов и философов культуры, казалось бы, озабоченных более традиционной проблематикой, не привязанной столь тесно к сугубо техническим факторам.

В частности, заслуживает специального обсуждения мощное преобразующее влияние цифры на процессы коммуникации в литературе, живописи, музыке и иных областях художественной культуры, где «новые технологии, связанные с цифровизацией, стимулируют новые возможности в искусстве, зачастую неожиданным способом формируя творческие открытия и совершенно по-новому определяя семиотические смыслы ее восприятия»³. Цифра, таким образом, начинает опосредствовать различные аспекты презентации и саморепрезентации человеческой личности в контексте разнообразных дискурсивных практик, объединяющих вербальную, художественную, правовую, политическую и иные виды коммуникации, что представляется отнюдь не случайным. Ведь все перечисленные виды знаковой коммуникации объединяются тем, что процесс знакопорождения непрерывно связан в них с порождением, восприятием и усвоением культурных смыслов, выполняющих конституирующую, регулятивную, воспитательную и иные функции, которые в своей совокупности обеспечивают непрерывность любой культурной традиции.

Иными словами, рассмотрение трансформации правовой реальности и, следовательно, решение проблемы ее грядущих перспектив должны осуществляться сквозь призму представлений о смене типов научной рациональности, являющейся одной из движущих сил, а на высокой ступени развития правового мышления — важнейшей движущей силой развития правового, политического и иных социальных порядков. В рамках данной идеи правовая традиция предстает перед нами как непрерывный ряд, последовательность творческих изменений, порожденных динамикой типов рациональности. Причем суть таких изменений может быть описана при помощи ламарковской

¹ О методологическом значении принципа недопустимости умножения сущностей (бритвы Оккама) см., в частности: *Элштейн М. Н.* Бритва Оккама и аксиоматика человеческого опыта. Проблема сокращения/умножения сущностей в современном контексте. Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии, 2020. № 2 (8). С. 129–142. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2020.2.125>

² См. подробнее: *Бакланов И. С., Пелевин С. И.* Технологии и технологическое сознание в эволюции постиндустриализма: от информационного общества к обществу знаний и цифровому обществу. Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. 2020. № 1. С. 60–67. EDN: JGHFIP

³ *Махлина С. Т.* Семиотика цифровизации в музыке. *Studia culturae*, 2023. № 57. С. 62. EDN: BQVITI

эволюционной модели (имеющей большой эвристический потенциал при объяснении процессов социокультурного, в частности, политико-правового развития)⁴, а именно — стадийной утратой развивающейся системой исходно присущих ей признаков и приобретением новых признаков, а также закреплением этих последних под влиянием условий внешней по отношению к данной системе среды⁵. Очевидно, что мышление и присущий мышлению тип рациональности представляет собой важнейший из действующих факторов, синтетически объединяющий в себе все прочие факторы.

Эволюция мышления в целом и правового мышления в частности проходит последовательные стадии, обладающие системой взаимосвязанных сущностных характеристик, проявляющих себя на различных уровнях юридической коммуникации, начиная от договорных обязательств и иных правовых отношений и заканчивая законодательством, а также развернутыми доктринальными текстами, в которых находят свое осмысление и обобщение конкретные фактические обстоятельства, субъективные права и обязанности, нормы и формы права, образующие структуру правопорядков на соответствующем этапе его исторического развития. Безусловно, было бы ошибкой полагать, что эта структура представляет собой единое, беспробельное, внутренне противоречивое целое, все элементы которого подчинены единой логике, основанной на постулатах чистого практического разума, если пользоваться терминологией Иммануила Канта.

Правопорядок, равно как и конкретный стадийно-исторический тип права, определяющий базовые характеристики последнего, представляет собой сложное диалектическое единство нередко противоречащих друг другу признаков. Причем одни из таких признаков наследуются от стадийно предшествующих правопорядков и свидетельствуют о наличии устойчивой традиции, тогда как другие, складываясь в качестве ответа на актуальные вызовы современности, служат предвестием перехода системы к качественно новому состоянию, закрепляемому уже на последующих этапах ее эволюции. Тем не менее, благодаря синтезирующей работе правового мышления, опирающегося на исторически присущий ему тип научной рациональности, вся эта сложная и внутренне противоречивая совокупность разнородных элементов приводится к общему знаменателю, позволяющему на ее основе сформировать идеальный тип права, выступающий отправной точкой на пути достижения определенности в сфере правопознания и правопонимания⁶.

Следует, разумеется, отдавать себе отчет в условности любого идеального типа, обладающего известной вторичностью по отношению к многообразию конкретных жизненных явлений. Вот почему нельзя не признать правоты Д. Ю. Полдникова, по мнению которого, «идеальные типы не существовали в действительности и используются, прежде всего, как отправная точка исследования, как прием открытия нового знания о реальных явлениях»⁷. Вместе с тем, учитывая сконструированность феноменов правовой реальности⁸, каждый из которых может рассматриваться в качестве текста, сопряженного с разнообразными смысловыми связями с иными текстами в рамках интертекстуального пространства правопорядка⁹, можно сделать вывод о том, что идеальный тип как смыслообразующая структура не только проистекает из эмпирической «субстанции» правовых порядков, но и организует, конструирует правопорядки способом, единственно возможным на данном этапе правовой эволюции или правовой традиции, что, на наш взгляд, значит одно и то же.

Так, например, право собственности, занимающее одно из центральных мест в структуре любого правопорядка, может опосредствоваться, в зависимости от специфики правовой и общей культурной коммуникации, любыми семиотическими средствами. Речь идет о ритуальных действиях, изначально могущих иметь невербализованную форму, индексальных и иконических словесных знаках, указывающих на конкретные объекты эмпирической реальности (такие, прежде всего, как *res species* и *res corporales*, то есть индивидуально-определенные телесные вещи, если пользоваться терминологией, применявшейся еще римскими юристами), наконец, о знаках-символах, фиксируемых на письме и обладающих, подобно любому письменному тексту, признаками общезначимости и формальной определенности. Но, обладая текстуальной знаковой формой, право собственности, подобно любому иному субъективному праву, само является знаком, поскольку обладает семиотической структурой, включающей в себя два измерения, а именно субъектно-объектное, представляющее собой коммуникацию индивида с принадлежащей ему вещью (также имеющей семиотическую природу и представляющую собой социальный конструкт), и intersubъективное, выражающее коммуникацию индивидов по поводу обладания вещами.

⁴ См.: Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 42.

⁵ См.: Разуваев Н. В. Правотворческое значение сочинений юристов в правовой традиции античного мира. Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2. С. 18. EDN: IRMAQE

⁶ См. подробнее: Луковская Д. И., Ломакина И. Б. Проблема определенности правопознания (в контексте эволюции юснатурализма). Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2020. № 3 (87). С. 26–32. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-3-26-32>

⁷ Полдников Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права: учебник. В 2 т. Т. I. Правовые традиции древности и Средневековья. М.: Норма; ИНФРА-М, 2023. С. 26. <https://doi.org/10.12737/2037407>

⁸ См.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: Издат. дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 105. EDN: QSSDIV

⁹ См. подробнее: Поляков А. В. Российская теоретико-правовая мысль: опыт прошлого и перспективы на будущее / Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избр. труды. СПб.: Издат. дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 323.

Таким образом, право собственности как субъективное право обладает внутренней и внешней формами, присутствующими всякому культурному тексту, при этом посредством общеправового контекста оно тем или иным образом связано с нормами права, регулируемыми отношениями собственности. Причем эти нормы также имеют внешнюю словесную или иную знаковую форму, во-первых, и обладают внутренней семиотической формой постольку, поскольку являются знаково-символическими феноменами (текстами) по своей сущности, во-вторых. Нормы права и субъективные права могут быть различным образом связаны между собой в структуре правового порядка: не всегда субъективное право имеет первичный по отношению к норме характер в синхронном измерении, хотя в диахронной ретроспективе именно субъективное право предшествует норме, представляющей собой результат законодательной, судебной, доктринальной или иной типизации субъективных прав. Указанное обстоятельство позволяет делать вывод о том, что в историческом плане, в рамках той или иной культурной традиции, право, как и язык, представляет собой не «эргон», а «энергию», воплощающую духовную сущность человека как действующего и обладающего способностью к общению существа¹⁰.

Подобно языку, право имеет двойственную природу, представляя собой, с одной стороны, творческую деятельность, развертывающуюся в пространствах жизненного мира участников правовой коммуникации, и, с другой стороны, упорядоченную совокупность (систему) знаков, конструирующих правовую реальность, а также ее отдельные феномены¹¹. В зависимости от исходных идейно-мировоззренческих установок, господствующих в той или иной культуре и правовой традиции, а в конечном счете от типа рациональности, выступающей необходимой предпосылкой идеально-типического конструирования правовой реальности, главенствующую роль в этой последней начинает играть либо активное творческое начало, выражающее в себе духовную свободу человека, либо объективированные структуры и иные элементы правовой материи, обладающие обязательной силой для всех представителей правового сообщества.

Вот почему парадигмы научной рациональности, выступающие необходимой основой правового мышления, определяют сущностные характеристики правовой реальности на том или ином этапе эволюции права. При этом смена типов рациональности носит столь радикальный характер, что воспринимается современниками в качестве настоящего культурного переворота, значение которого ощущается во всех без исключения областях культурной деятельности, включая деятельность правовую¹². Ситуации такого переворота наблюдались неоднократно в рамках западной традиции права, причем первая и самая ранняя из них может быть датирована рубежом VI и V вв. до н. э., когда происходит распад ассоциативно-образного (мифологического) правового мышления и формирование доклассической рациональности, нашедшей свое наиболее завершенное воплощение в римской юриспруденции, а также в трудах средневековых западноевропейских и византийских юристов. Результатом второго переворота становится формирование классического типа рациональности в XVI–XVII вв., повлекшего за собой появление современных (модернистских) правопорядков, национальных правовых систем и правовой науки Нового времени, ориентированной на картину мира, методологию и теоретические результаты точных и естественных наук, длительное время являвшихся эталоном познавательной деятельности для смежных научных областей, включая юриспруденцию, ярким свидетельством чему являются работы основоположников современной юриспруденции, таких, как Жан Боден и Гуго Гроций.

В настоящее время мы переживаем третью смену научной рациональности, а именно переход от классического к постклассическому типу правопознания и правопонимания. Не секрет, что во многих областях духовной жизни этот переход начался, а кое-где и завершился, значительно раньше, а именно в середине XX в., если не в конце XIX в. Запоздавшее развитие правовой культуры и права, отчасти «застрявших» в архаике и модерне, порождает серьезные кризисные явления, к числу возможных путей преодоления которых относится активное развитие новых способов коммуникации и новых знаковых форм при сохранении универсальной ценностной основы правового дискурса. Очевидно, что, как и на прежних витках развития, смена типов научной рациональности не может не стимулировать создание новых доктрин, залог жизнеспособности и продуктивности которых видится нам в творческом осмыслении всего многообразия идей, созданных предшественниками¹³, прежде всего, классического юснатурализма и различных версий социологического правопонимания, которые способны стать краеугольным камнем для формирующегося на наших глазах постклассического правопонимания.

¹⁰ Как писал немецкий языковед В. Гумбольдт: «Язык есть орган, образующий мысль (Die Sprache ist das bildende Organ des Gedanken). Интеллектуальная деятельность, совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая в известном смысле бесследно, посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия. Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое» (Гумбольдт В. фон. О различии строения естественных языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 75).

¹¹ Подробнее о двойственной природе языка см.: Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л.: Прибой, 1930. С. 14 и след.

¹² См. об этом: Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. EDN: RTQM1H

¹³ Именно сохранение и приумножение в ходе неизбежной эволюции всего богатства культурного наследия являются важной чертой традиции, в том числе традиции правовой. Этой присущей культуре способности транслировать в стремительном потоке времени традиционные ценности, обеспечивая тем самым преемственность и непрерывность их восприятия из поколения в поколение, посвящено сочинение В. Я. Брюсова, носящее выразительное название «Учители учителей». См.: Брюсов В. Я. Учители учителей: Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение (Египет, Эгейя и Атлантида). М.: Изд-во Т8, 2018.

Гармония духовных смыслов правовых традиций как основа многополярного мира

Бабурин Сергей Николаевич, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, профессор Донецкого государственного университета, профессор Московского университета им. С. Ю. Витте доктор юридических наук, профессор, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии;
e-mail: 1357343@mail.ru.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы конструирования многополярного мира, который может успешно существовать только в условиях гармонии духовных смыслов правовых традиций составляющих его народов. Аргументируется решающая роль духовно-нравственных ценностей, лежащих в основе цивилизационной культурно-исторической самоидентификации существующих государств, необходимость поиска путей построения нравственных государств различных цивилизаций. Международное развитие может строиться только на прочной правовой основе, соединяющей в себе органичное конституционное развитие национальных государств и формирование на традиционных духовно-нравственных принципах международного права.

Ключевые слова: традиция, Россия, многополярный мир, духовно-нравственные ценности, нравственное государство, цивилизация, международное право, конституционное развитие.

Для цитирования: Бабурин С. Н. Гармония духовных смыслов правовых традиций как основа многополярного мира. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 7–12. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-7-12. EDN: DBPJMZ

Axiological and Ideological Meaning of the Constitutional Reform that Began in 2020 in Russia

Sergey N. Baburin, Chief Researcher, Scientific Director of the Center for Integration and Civilizational Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of Dostoevsky Omsk State University, Donetsk National University, Moscow Witte University, Honored Scientist of the Russian Federation

Professor, Doctor of Law, Honorary Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Foreign Member of the Academy of Sciences of Abkhazia;
e-mail: 1357343@mail.ru.

Abstract

The article discusses the issues of constructing a multipolar world, which can successfully exist only in conditions of harmony of the spiritual meanings of the legal traditions of its constituent peoples. The decisive role of spiritual and moral values that underlie the civilizational cultural and historical self-identification of existing states, and the need to find ways to build moral states of various civilizations are argued. International development can only be built on a solid legal basis that combines the organic constitutional development of national states and the formation of international law on the traditional spiritual and moral principles.

Keywords: tradition, Russia, multipolar world, spiritual and moral values, moral state, civilization, international law, constitutional development.

For citation: Baburin S. N. Axiological and Ideological Meaning of the Constitutional Reform that Began in 2020 in Russia. Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya], 2024. No. 1. Pp. 7–12. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-7-12. EDN: DBPJMZ

При завершении Второй мировой войны объединившиеся против нацизма и милитаризма нации провозгласили свое намерение избавить грядущие поколения от бедствий войны, утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин, в равенство прав больших и малых наций. Объединенные нации вознамерились создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и в этих целях создали Организацию Объединенных Наций¹. Положенные в основу Устава ООН потсдамские договоренности стран Антигитлеровской коалиции позволили уменьшить опасность глобальных конфликтов, а в Европе обеспечили мир на полвека². Развал СССР и Организации Варшавского договора позволило разрушить внутренне сбалансированный Ялтинско-Потсдамский мировой порядок, а пришедшее ему на смену Мальтийско-Мадридское переустройство международных отношений закрепило с 1996 г. однополярный мир под эгидой Соединенных Штатов Америки³. Хотя и тогда уже было очевидно, что в основу глобального порядка может быть положен только принцип многополярного рассредоточения власти⁴.

Почему же однополярный мир, еще четверть века назад казавшийся незыблемым, оказался столь недолговечным? Ведь именно он просто обрушил международное право, продолжая при этом провозглашать необходимость проявления терпимости и стремления жить в добрососедстве, важность объединения сил для поддержания международного мира и безопасности.

США — это символ Запада. Именно они возглавили растворение современной цивилизации в изобилии форм культуры, общества, технологий, средств массовой информации, а также способов производства и потребления, заплатив за это потерей своей духовной жизни⁵. Но символ, демонстративно игнорирующий многие характерные особенности западнизма, взращиваемые Советом Европы. Западное общество, ступив на путь культа безнравственности и двойных стандартов, превратилось, как отменил А. А. Зиновьев, в общество правового тоталитаризма⁶. США, с одной стороны, не спешат включаться в европейские абсурды ювенальной юстиции, с другой — давно обогнали Европу в расовой и половой толерантности.

Дестабилизация международных отношений началась на рубеже XX–XXI вв. по двум параллельным, но разным причинам. Во-первых, из-за стремления США превратить глобализацию в процесс унификации мира по североамериканским стандартам. Глобализация, признавал Дж. Стиглиц, не преуспела в сокращении бедности и еще менее преуспела в обеспечении стабильности⁷. Во-вторых, из-за перерастания секуляризма европейского Просвещения в культ ненормальности, когда европейская квазиэлита поставила механизмы своих государств и Совета Европы на службу индивидуалистического эгоизма и безнравственной вседозволенности. Отрезвление современной России от эйфории «общепризнанных общечеловеческих ценностей» началось тогда, когда Европейский суд по правам человека и Совет Европы стали даже ранее принятые конвенции интерпретировать в угоду однополого сожительства, трансгендерности и торжества аномалий социальной жизни над традиционными представлениями.

Одновременно в угоду США была произведена подмена смыслов и Устава ООН, когда Генеральная ассамблея ООН приняла в 2005 г. Декларацию «Обязанность защищать», легализовав гуманитарную интервенцию для оправдания вторжений США на территории суверенных государств⁸. Совершенно не такую безобидную, как полагают многие политики и юристы-международники. США не случайно очень удивились в 2022 г., когда Россия, опираясь на эти международные нормы, начала специальную военную операцию на Украине, «узурпировав» возможности, придуманные под единственную сверхдержаву.

Конечно, стремление США доминировать на международной арене сформировалось значительно раньше, они заняли место лидера Запада, стали олицетворением империалистической эксплуатации других стран мира во имя своего высокого уровня жизни. Во внешней политике США бывали срывы. Первый серьезный — успешная Кубинская революция 1959 г., второй — Великая Иранская исламская революция 1978–1979 гг., заставившая мир задуматься о роли традиционных духовно-нравственных ценностей, уходящих корнями в религиозные основы общества. Но ведь были и целые грозды «цветных революций», были порядка 30 успешных гуманитарных интервенций США

¹ См.: Устав ООН (полный текст) [Электронный ресурс]. Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 21.06.2023).

² Подробнее см.: *Бабурин С. Н.* Геополитический смысл Ялтинской (1945) конференции. Из выступления 6 февраля 1995 г., Ялта / Бабурин С. Н. Государствоведение: научные труды. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 585–588.

³ О Мальтийско-Мадридском мировом порядке см.: *Бабурин С. Н.* Мир империй: территория государства и мировой порядок. 2-е изд. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. С. 708–713.

⁴ О моделях мироустройства см.: *Капто А. С.* Энциклопедия мира. 2-е изд. М.: Книга и бизнес, 2005. С. 287–290; *Бабурин С. Н.* Мир империй: территория государства и мировой порядок. 2-е изд. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. 829 с.

⁵ Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / отв. ред. Г. В. Осипов. Изд. 2-е, доп. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 507.

⁶ *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. С. 340.

⁷ *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции / Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. Т. IV. Век глобальных трансформаций; отв. ред. Ю. Я. Ольсевич. М.: Мысль, 2004. С. 886.

⁸ См.: *Бабурин С. Н.* Гуманитарная интервенция: теория и практика международного права. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2022. Т. 19. № 2. С. 15–27; *Крылов Н. Б.* Гуманитарная интервенция: право или бесправие? Евразийский юридический журнал, 2012. № 9. С. 41–44.

и их союзников за минувшие четверть века⁹, внешне демонстрировавшие гегемонию США. При этом «миротворцы» ни разу не оглянулись на суверенитеты соответствующих государств, что полагали незыблемым условием гуманитарного вмешательства простодушные сторонники Декларации 2005 г. из числа традиционных юристов-международников, уповающих на некую трехкомпонентную стратегию обязанности государств защищать и некий «четвертый компонент» — помощь международного сообщества в посткризисном урегулировании и восстановлении¹⁰. Лишь действия России в феврале 2022 г., вызвавшие вслед за этим геополитический раскол мира, привели к краху однополярной Мальтийско-Мадридской системы.

Справедливо отмечается, что до сих пор нет целостной теории цивилизационного развития стран, объединенных совокупной деятельностью глобального мира¹¹. Но каким же представляется новый мир, способный обеспечить благополучное и стабильное (устойчивое) развитие народов?

Прежде всего мир видится многополярным. В основе его должно лежать гармоничное соразвитие локальных цивилизаций, строящихся каждая на своих духовных и культурно-исторических традициях. Причем геополитическими полюсами мира могут стать только сильные государства или их союзы, потому что слабые государства сами по себе неизбежно порождают многочисленные общественно значимые проблемы¹².

Право, международное и национальное, было и останется основой мирового порядка, но оно должно строиться не на приоритете англо-саксонской или любой иной правовой системы, а на гармонии духовных смыслов правовых традиций всех существующих народов. Не на деформации смыслов международно-правовых договоренностей, а на толковании права, соответствующем традициям народов мирового сообщества.

Еще в 2019 г. В. В. Путин призывал Запад обратить внимание, что даже во времена холодной войны были «хотя бы какие-то правила, которых все участники международного общения так или иначе придерживались или старались придерживаться». Сейчас, похоже, правил вообще не существует¹³. Глава России остался неуслышанным. Российской Федерации в 2020 г. на конституционном уровне и в 2022 г. военно-стратегически пришлось принимать меры самозащиты.

Ныне обостренно противостоят друг другу народы, исповедующие приоритет традиционных духовно-нравственных ценностей (Россия, Китай, Иран, Арабский мир), и страны Запада, отринувшие традицию в угоду секулярному модерну, во главе с США и Европейским союзом. Такое противостояние имеет глубинный фундаментальный характер, отмечаемый уже не только учеными, но и государственными деятелями. Президент РФ В. В. Путин охарактеризовал ситуацию в мире как цивилизационный мировоззренческий кризис, выход из которого возможен только через укрепление морали и ценностей, опору на этику в деятельности государства, в его развитии, в межгосударственных отношениях. Напомнив, что ценности — это продукт культурно-исторического развития каждой нации и продукт уникальный, Президент РФ подчеркнул, что попытки ценностного диктата «еще более осложняют и без того острую ситуацию и влекут обычно обратную реакцию и обратный ожидаемому результат»¹⁴.

Правовые традиции разных цивилизаций и даже народов, живущих в рамках одной цивилизационной идентичности, отличаются порой радикально противоположными особенностями. В основе различий — национальные архетипы, выросшие на почве различных ветвей христианства или ислама, конфуцианства, иудаизма, индуизма. Культурно-исторический тип не может быть изменен в одночасье, даже волей деятелей великих революций.

Многополярный мир будет прочен в условиях, когда взаимное уважение государств-участников будет строиться на адекватном понимании смыслов правовых традиций друг друга. США как цивилизация, еще заканчивающая свое формирование, Китай или Индия, имеющие исчисляемое тысячелетиями культурно-историческое становление своих правовых традиций, Россия, тысячелетние архетипы которой выросли из ее цивилизационного союза славянских, тюркских, угро-финских, кавказских и других народов, да и все остальные потенциальные центры мирового баланса сил должны быть, безусловно, равноправны в ответственности за мир и устойчивое безопасное развитие человечества.

Европейская цивилизация, на которую в своем развитии Россия равнялась последние столетия, к сегодняшнему дню отошла от своих ценностных основ и под влиянием секулярности Просвещения переродилась в бездуховный Запад с его деформированной нравственностью. Ее мировоззренческим основанием (не могу называть это ценностной основой) стал человеческий эгоизм, поставивший во главу угла культ потребления и наживы. Тем не менее

⁹ См.: *Бабурин С. Н.* Гуманитарная интервенция: теория и практика международного права. С. 18.

¹⁰ См., напр.: *Ашавский Б. М.* Концепции относительно обязанности защищать в контексте международного права. Евразийский юридический журнал, 2012. № 12. С. 41, 45; Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом. «Круглый стол» в «Международной жизни». Международная жизнь, 2009. № 7. С. 16–33

¹¹ *Жуков В. И.* Развитие теории цивилизации в парадигме социологии, истории и теории государства и права. Труды Института государства и права РАН, 2022. Т. 17. № 2. С. 30.

¹² *Керимов А. Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. С. 67.

¹³ Путин В. В. Интервью газете The Financial Times. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения: 22.06.2023).

¹⁴ Путин В. В. Выступление на заседании клуба «Валдай», 21 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 12.06.2023).

Запад в лице Евросоюза с его правовыми устоями реально претендует на права геополитического центра, а внутренняя борьба традиционных ценностей его народов с культом аномалий в самом разгаре.

Конечно, в традиционных обществах роль архетипов выражена ярче. Национальные архетипы складываются на основе традиций, сакрализуются традиционными религиями. Как врожденные универсальные предсознательные психические предрасположенности, часть коллективного бессознательного, архетипы лежат в основе традиций и традиционных ценностей, они делают невозможным для любой революции или реформы в одночасье изменение психологии и духа народа. Политическим революциям, результаты которых закрепляются законодательно, предшествуют изменения духа народа, его мировоззренческих предпочтений.

Следует согласиться с А. Ю. Мордовцевым и В. В. Поповым, которые, используя при анализе культурно-исторических национальных особенностей категорию менталитета, предложили рассматривать правовой (политико-правовой) менталитет как совокупность (систему) правовых архетипов и представлений, устойчивых, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, типах цивилизаций и т. п. имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности, определяют специфику правового поведения индивида, тех или иных социальных и профессиональных, государственных органов и должностных лиц¹⁵. Особенно обострен вопрос о национальной и цивилизационной идентификации политико-правовых структур в обществах традиционной культуры.

Говоря о смысле правовых традиций, следует исходить из понимания, что любая ценность субъективна, она выражает отношение человека к явлению или вещи через тот смысл, значение, которые им приданы. Ценность субъективна. Ценности проникают в право через принципы права, которые служат носителями ценностей, придают ценностям юридическую легитимность и практическую значимость¹⁶.

Не случайно в отечественной науке конституционного права было издано принято разделять материальную и формальную стороны Конституции, закрепляющие основы конституционного строя¹⁷. Возьмем современную Россию, отползающую с 2020 г. благодаря ценностной конституционной реформе от пропасти космополитического небытия¹⁸. Новая редакция Конституции РФ дополнила ценностные принципы преамбулы конкретными духовно-нравственными ценностями традиционного общества многонационального народа России (русской нации), укрепив любовь к Отечеству и Богу, любовь семейную (супружескую и родительскую), подтвердив целостность и преемственность отечественной истории, в том числе преемственность Российской Федерации от Советского Союза (СССР).

Но даже укрепившие нравственный каркас Конституции РФ новые нормы ст. 67.1, п. 72, 74 Конституции РФ пока не в силах преодолеть неолиберальной парадигмы Конституции РФ, заложенной в нее в 1993 г. В Конституции РФ высшей ценностью по-прежнему считаются только права и свободы человека (ст. 2), закреплен приоритет частной собственности (ст. 35 и др.), труд свободен (ст. 37). Причем последнее понимается как свобода человека в труде от любых обязательств перед обществом или Отечеством, в противоположность не только нормам советских конституций (ст. 18 Конституции РСФСР 1918 г., закрепляя обязательную трудовую повинность, провозгласила принцип: «Не трудящийся, да не ест!»), но и библейской заповеди «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (Второе послание апостола Павла к фессалоникийцам, 3:10). Можно приводить и другие примеры, особенно из гл. 1 Конституции РФ.

Между тем от социальной привлекательности России, ее культурного образа, правовых традиций и консолидации общества зависит ныне не только ее военный успех, но и во многом и сам характер формирующегося многополярного мира.

Следует сочувствовать юристам, занимающим, например, должности судей Конституционного Суда РФ — они вынуждены слепо обосновывать правоту каждой фразы Конституции. Они напоминают шаманов, камлающих в танце вокруг уже не костра, а Конституции РФ, с песнопением «Конституция совершенна! Нельзя ее трогать! Верьте нам! Все в Конституции хорошо!». Но у пораженного за два столетия нигилизмом российского общества к Конституции отношение иное. Сегодняшнее общество тем более не может забыть контекст рождения Конституции РФ 1993 г. с противоправной отменой предыдущей конституции и расстрелом Дома Советов России, в котором собрался Парламент РФ, требовавший уважать и соблюдать Конституцию РФ. Или антиконституционный переворот сентября 1993 г. надо считать частью российской конституционной традиции?

Публичная российская власть в лице Конституционного Суда, Федерального Собрания и Президента РФ до сих пор не дала надлежащей оценки событиям осени 1993 г., а значит, призывы к святости действующей Конституции не имеют нравственного основания, шанс на социальную и политическую консолидацию российского общества крайне слаб.

¹⁵ Мордовцев А. Ю., Попов В. В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2007. С. 64.

¹⁶ Стоилов Я. Принципы права: ценностный и телеологический подход. Право. Порядок. Ценности: монография / под общ. ред. Е. А. Фроловой. М.: Блок-Принт, 2023. С. 233.

¹⁷ Шульженко Ю. Л. Лекции по русскому государственному праву Н. И. Лазаревского. Труды института государства и права РАН, 2021. Т. 16. № 3. С. 20.

¹⁸ См., напр.: Виноградова Е. В., Виноградова П. А. Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации. М.: Эдитус, 2020.